

В ряде случаев современные говоры не дают возможности четко обозначить производящую основу имени собственного. Патроним *Строганов* В. А. Никонов связывал с апеллятивами *строгать* или *строгий*. На наш взгляд, более вероятна связь со словом *строгий*, поскольку суфф. *-ан* использовался чаще в производстве экспрессивных названий лиц от именных основ (*велик-ан* ← *великий*, *долг-ан* ← *долгий*, *пуз-ан* ← *пузо*, *горл-ан* ← *горло*, *старик-ан* ← *старик* и т. п.). Отношение к гл. *строгать* менее вероятно, поскольку в данном случае должно предполагаться образование названия по профессии ('тот, кто занимается строганием'), однако в названиях лиц по профессии суффикс *-ан* не был продуктивным.

Думается, что создание апеллятивных экспрессивов и прозвищ характеризуется общими словопроизводственными процессами. Доказательством могут служить современные диалектные прозвища, которые образовались сразу на ономастическом уровне, ср. прозвища *Дрочина*, данное за излишнюю любовь к детям, животным (возможно, от *дрочить* 'баловать, нежить, холить'); *Лядяга* – за болезненную худобу (от *лядый* 'худой' или *лядеть* 'быть худым', *лядящий* 'болезненно худой'), *Махляга* – за небрежность в ношении одежды (вероятно, от *махляться* 'ходить небрежно одетым') и т. д. Такие прозвища функционируют только как имена собственные.

Куршунова И. А. Славянская антропонимия Карелии в связи с реконструкцией лексики донационального периода: Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1994.

Н. В. Лабунец
Тюмень

К этимологии топонима *Кармак*

Ойконимия Тюменской области отражает различные этапы русского заселения Сибири. Неоднократно отмечалось, что в течение длительного времени (вплоть до середины XVIII в.) на южных рубежах Тобольского уезда происходили военные столкновения русских отрядов с ногайцами, калмыками – «кучумовыми внучатами», стремившимися вернуть утраченные территории. Военная угроза с юга обусловила необходимость строительства специальных острогов и слобод, входящих в состав «оборонительных линий». Ойконимы *Кармак* (*Кармацкая*), судя по историческим документам, соотносятся с этапом «дозора» сибирских рубежей. Современные населенные пункты, а также отмеченные на картах XIX в. фиксируются на «границе» леса и степи, где проходила Ишимская (Тоболо-Ишимская) укрепленная линия. Факт того, что в условиях военного конфликта лесостепь заселялась позднее, служит дополнительной аргументацией в пользу специфичности указанных названий.

В славянских и неславянских языках, в том числе и в топонимическом употреблении, известен термин *кармак* < тюрк. *qarmaq*, *кармак* 'крючок, удочка' [Будагов, 2, 11], ср. также в говорах тюменских и тобольских татар *кармак* 'крючок; удочка, рогатина', *кармак* 'уда' [Тумашева, Насибуллина, 65; Муминов, 1970. 133; Гиганов, 621].

СРНГ дифференцирует значение русского по употреблению термина *кармак* (*кормак*): 1) 'удочка для зимнего лова белорыбицы'; 2) 'блесна, удочка с блесною'; 3) 'большая рыболовная снасть с крючками, применяемая при ловле красной рыбы' [СРНГ, 13, 94]. В тюменских говорах на основе метонимических переносов термин развивает географическое значение – 'небольшой залив изогнутой формы': *Кармак везде бывает: и на речках, и на озёрах. От озера как загибина есть. В кармак обычно фитилей ставят, рыба хорошо там ловится.*

Этимологизация тюменских ойконимов *Кармак* (*Кармацкая*) на базе географического термина семантически достоверна, если учесть, что ряд населенных пунктов расположен по берегам небольших рек. Однако эта этимологизация вызывает сомнения, когда речь идет об исторических материалах: *кармак* в тюменских документах XVII в. функционирует скорее как термин, называющий тип поселения.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. под 1682 г. *кармак* отмечается (хотя и с долей условности) как 'вид поселений в Сибири (?)': *Посыланы они <стрельцы> были съ Тюмени в Тюменской уездъ на далние кармаки съ Тоболским сыномъ боярскимъ съ Федоромъ Фефиловымъ для розсылки.* По мнению А. Е. Аникина, обратившегося к СРЯ XI–XVII вв., *кармак* означает 'место, где расставлены рыболовные орудия' [Аникин, 269]. Однако такое истолкование не кажется убедительным, особенно с учетом частотности термина *кармак* для тюменской территории второй половины XVII – начала XVIII в. Ср. под 1695 г.: *Владеют тюменские ямские охотники Алешка да Васка Рябковы, Мишка Власов, Ивашко Удальцов в Тюменском уезде на далних кармаках близ Рябковы и Верховины деревни возле покотины землями и санными покосами;* под 1712 г.: *Он, Иван, в Тюменской уездъ ездил по кармакам, по всем селам и деревням* [Мордвинцева, 2005, 151]. Последний пример свидетельствует о том, что термин *кармак* включается в синонимический ряд слов-обозначений типов поселений: *село, деревня*. Словосочетание *дал(ь)ние кармаки*, представленное в первом и втором примерах (под 1682 и 1695 гг.), может быть осмыслено как 'дальние посты, дальние заставы, созданные для охраны и «досмотра» русских рубежей', позже – 'приграничные поселения', 'отдаленные поселения'.

Как было показано выше, современные ойконимы, включающие основу *кармак-*, территориально могут быть соотнесены с приграничной линией караульной, «обереговой (береговой) великого государя службы» XVII – начала XVIII в. Документы Тобольского госархива свидетельствуют, что и в первой половине XVII в. на приграничных территориях строились специальные поселения, кордоны. Все это дает основания предполагать, что в XVII в. на тюменско-тобольской территории *караул, кармак* – «остроги для осторожности и караулу» – выступали как синонимы. Однако этимология исторического термина *кармак* со значением 'вид поселений в Сибири', отмеченном в СРЯ XI–XVII вв., не совсем ясна. Термин может быть непосредственно связан с тур., тат. *кормак* 'ограждать, охранять' [Будагов, 2, 77], ср. также тур. *z'örmäklik < z'örmäk + lik* 'осматривание' [Радлов, 2, 1598]. Целесообразно в этом случае рассматривать **кармак* как структуру, включающую основу *кар(a?)*- + суффикс *-мак*, где основа может быть связана с барабинским *кара-* 'смотреть, охранять' [Дмитриева, 1981, 151]. Второй компонент *-мак* (*-мак*) – отглагольный аффикс, который широко известен в тюркских говорах Западной Сибири, в географической терминологии Татарстана.

Фонетическая интерпретация основы может быть связана с так называемым тюркским полногласием, которое в русских заимствованиях утрачивает последний компонент: 'ара'- > '-ар'- (**кара*- > **кар*-) [Субаева, 1963, 7]. В этом случае исходная тюркская форма – **карамак* (*кармак*) > рус. *кармак*, этимология которой связана со словом *караул*. История сибирского *караул*, отмечает А. Е. Аникин, восходит к монг. *xara* 'видеть, смотреть, осматривать', ср. также русское заимствование *карамчить* 'хранить, беречь' [Аникин, 265], тюрм.-тат. *караул* 'сторож' [Тумашева, Насибуллина, 63]. Вероятно, в период первоначального освоения тюменско-тобольской территории *караул* и *кармак* как реалии приграничья были функционально различны, однако впоследствии, когда отпала необходимость в наличии специальных оборонительных пунктов, одно из слов в силу экстралингвистических причин было утрачено.

Таким образом, интерпретация ойконимов с основой *кармак*- может быть исторически связана с термином *караул*. Однако нельзя исключить и влияния, возможно, более позднего, географического термина *кармак*, учитывая контаминационные процессы в лексике говоров и в топонимии.

Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар: Материалы и исследования. Л., 1981.
Мордвинцева В. С. Типология простого предложения в тюменских памятниках деловой письменности XVII – начала XVIII вв. Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005.

Муминов 1970 – Муминов М.Т. Русская топонимия субстратного происхождения в междуречье Тавды и Исети: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1970.

Субаева Р. Х. Взаимодействие русского и татарского языков в топонимии Татарской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963.

Ю. А. Ланда
Екатеринбург

Образ зайца в русском и прибалтийско-финских языках

Известно, что с помощью языковых данных можно восстановить ментальный образ реалии, существующий в сознании носителей языка. Одним из способов упорядочения материала является составление языкового портрета, т. е. систематизация признаков объекта действительности, на которые обратили внимание носители того или иного языка и которые сыграли роль при номинации. Объект нашего исследования – номинации зайца в русском и прибалтийско-финских языках (например, рус. *заяц*, *косой*, фин. *jänis* 'заяц' и пр.), а также их дериваты и устойчивые сочетания, включающие обозначения животного (например, рус. *заячья душа* 'трусливый человек', диал. *заяц* 'хлопья снега', *зайцы пиво варят* 'о тумане', 'о выпавшем снеге'; вепс. *gänišankorvaized* <заячье ушко> 'ландыш', карел. *jänöin nahkal perze on paikattu* <заячьей шкурой зад залатан> 'трусливый' и пр.).

В русском и прибалтийско-финском образах зайца много сходного. Наблюдается повторяемость большого количества признаков: в обоих образах представле-